

Ерофеева Елена Валентиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 614090, Пермь, ул. Букирева, 15
erofeeva@psu.ru

Худякова Екатерина Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 614090, Пермь, ул. Букирева, 15
khudiakova.es@psu.ru

Глазанова Евгения Валентиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
e.glazanova@spbu.ru

Оценка региолектной речи и говорящих в зависимости от социальных параметров*

Для цитирования: Ерофеева Е. В., Худякова Е. С., Глазанова Е. В. Оценка региолектной речи и говорящих в зависимости от социальных параметров. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (2): 283–311. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.206>

В статье рассматривается оценка региолектной речи по металингвистическим признакам и оценка говорящих по речи в зависимости от места проживания говорящих и оценивающих речь респондентов, а также других социальных параметров говорящих. Материал исследования — фрагменты интервью жителей Соликамска и Кунгура (двух городов внутри одного региона); выборка говорящих сбалансирована по факторам «город проживания», «пол», «возраст», «образование». Респонденты — жители Соликамска, Кунгура, Перми и Санкт-Петербурга — оценивали речь по шести металингвистическим шкалам, а говорящих — по шести социальным параметрам. Результаты проведенного эксперимента показали, что границы ин- и аутгрупп в зависимости от используемых шкал проводятся по-разному (малый город vs крупный или регион vs иной регион). Определение социальных характеристик говорящего по его речи демонстрирует следующие закономерности: пол определяется однозначно и предопределяет опору на сильные и единообразные стереотипы; возраст определяется исходя из характеристик речи; уровень образования оказался малопоказателен на данном материале. Стереотипные оценки речи и оценки человека по ней формируются в основном для говорящих из тех районов, в которых реализуется прототипический региолектный вариант произношения, типичная речь региона (в данном случае — Соликамск): в такой речи респонденты ориентируются и могут оценить социальные параметры говорящих. В случае зон нетипичной для региона речи (Кунгур) не наблюдается стереотипных оценок человека: респонденты, включая самих жителей Кунгура, затрудняются с однозначными оценками. Таким образом, проявляется связь стереотипных представлений о речи и человеке

---

* Работа выполнена при поддержке фонда РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

с нормой: в регионах или отдельных городах, где региолектная норма устойчива, на основе этой нормы вырабатываются речевые социальные стереотипы; если в речи города или района наблюдается смешение разных языковых систем и местная норма неустойчива, то формирование речевых социальных стереотипов затруднено.

Ключевые слова: региолект, вариативность, социальные группы, металингвистические оценки речи, статусные оценки говорящего.

Введение

Изучение переноса характеристик речи на социальные характеристики говорящего сначала получило развитие в рамках исследований отношения к этническому языку (language attitude) [Garrett 2010], но в дальнейшем распространилось с этнических на различные социальные группы. При этом «внутриязыковая» оценка рассматривалась в основном на примере территориальных вариантов языка — диалектов и региолектов [Auer et al 2013; Krause et al. 2006; Long, Preston 2002; Preston 1999; и др.], однако есть также исследования, предметом которых являются собственно социальные варианты речи (просторечие, жаргоны и т. п.) [Ерофеева, Сторожева 2009]. Эти работы доказали, что оценки речи зависят не только от характеристик оцениваемых стимулов, но и от социальных параметров оценивающих эти стимулы респондентов.

Настоящее исследование ставит целью расширить и обобщить материал предыдущих работ, объединив в рамках одного эксперимента территориальный и социальные факторы. Конкретными задачами, которые поставлены в работе, являются следующие:

- 1) проанализировать вариативность оценки речи в зависимости от места проживания говорящих (рассматриваются два города в рамках одного региона) и оценивающих;
- 2) проанализировать вариативность оценки речи в зависимости от социальных параметров говорящих;
- 3) сопоставить оценки речи и статусных признаков говорящего, полученные от респондентов, проживающих в разных городах (внутри и вне региона).

Поскольку материалом исследования служит региолектная речь, обратимся сначала к ее характеристике.

Региолект и его вариативность

Изучение регионального варьирования языка уже давно вышло за пределы диалектологии, предметом которой является язык деревни. В настоящее время большую популярность приобрела теория региолекта, который рассматривается как языковое образование, характеризующееся общими особенностями речи целого региона без деления их на городские и деревенские [Герд 2001]. Региолекты, или региональные варианты языка, рассматриваются как промежуточные системы, возникающие в результате контакта отдельных языков и форм их существования [Bellmann 1998; Spiekermann 2008; Schmidt, Herrgen 2011; и др.].

Исследования промежуточных языковых образований, возникающих в русском языке при взаимодействии разных идиомов — локально окрашенной литера-

турной речи [Ерофеева 1979], общего жаргона [Ермакова и др. 1999] и др., — приводят к выводу, что в современной языковой ситуации часто невозможно провести четкие границы между идиомами, а «переходные», или «гибридные», языковые варианты распространены повсеместно и даже вытесняют в настоящее время четко очерченные формы существования языка, имеющие определенную социальную базу и системный характер. Согласно А.С.Герду, региолект как промежуточный идиом возникает в связи с взаимодействием литературного языка, просторечия и местных говоров, постепенно вытесняя последние: «диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [Герд 2001: 24].

Остановимся кратко на некоторых принципиальных свойствах региолекта, которые ранее были изложены в статье одного из авторов (см.: [Ерофеева 2020]).

Региолект является системой особенностей речи, характерных для определенной территории, которая формируется на основе разных источников, заимствуя определенные черты речи из смешанных в ней идиомов — просторечия и диалектов; вследствие этого региолектная система характеризуется более высокой степенью вариативности, чем системы литературного языка и диалектов. Эта вариативность проявляется в нескольких аспектах:

- 1) региолектные варианты реализации языковых единиц сосуществуют в речи носителей региолекта с единицами других идиомов (литературными, разговорными, просторечными);
- 2) ряд вариантов языковой единицы в региолекте обычно длиннее, чем соответствующий ряд вариантов в основных формах существования языка;
- 3) для региолекта свойственна социальная вариативность, т.е. речь разных носителей региолекта может быть насыщена региолектными особенностями в разной степени в зависимости от их социальных параметров и социальных ролей, которые они исполняют.

В то же время стабильность региолектной системы проявляется в регулярности использования региолектных единиц в речи подавляющего большинства жителей региона, а также в том, что в языковом сознании носителей региолекта собственно региолектные варианты и варианты, заимствованные из других форм языка, не разводятся.

В данной статье исследование строится на материале пермского региолекта, подробно описанного в работах [Ерофеева 2005; 2020; и др.; Ерофеева 1979; 2009; и др.]. В указанных работах рассмотрена социальная вариативность фонетических и лексических региолектных особенностей, однако в основном изучается речь столицы Пермского края — г. Перми. В российской социалингвистике в целом сложилась такая ситуация, при которой региолекты и городская речь в основном изучаются на материале речи жителей крупных городов [Замышлова 2004; Звуковой корпус 2014; Китайгородская, Розанова 2010; Осипов и др. 1994; Юнаковская 2004; и мн. др.]. Малые и средние города до сих пор являются белыми пятнами на лингвистической карте, хотя города с населением до 70 тыс. жителей составляют около 70 % российских городов, а вместе с так называемыми поселками городского типа — около 90 % [Краусе 2010: 55]. В малых городах живет примерно 40 % городского населения, однако работ, посвященных малым городам, — единицы (см., напр., [Замышлова 2004; Ерофеева Т.И. 2016]). При этом на фоне существующих знаний о диалектной основе языка города и региолекта в целом включение

в исследование малых и средних городов важно, так как они образуют связующее звено не только между селом и крупным городом, но также и между диалектом и стандартным языком [Букринская, Кармакова 2012].

В небольших городах и социальная, и языковая ситуации иные, чем в крупных центрах. Так, в работах Т. И. Ерофеевой было показано, что набор и иерархия социальных факторов, от которых существенно зависит знание и использование региональных лексических единиц, в изученных районных центрах Пермского края — Соликамске, Кунгуре и Чусовом — отличаются. Например, в Соликамске и Кунгуре наиболее значимым фактором варьирования знания региолектных слов оказался возраст, а в Чусовом — место рождения (Чусовой vs села и деревни Чусовского района), в то время как для Соликамского района фактор «место рождения» вообще незначим; на втором месте в Соликамске и Чусовом оказался фактор «пол», который незначим для Кунгура, и т. п. [Ерофеева Т. И. 2016]. Зависимости такого рода могут оказывать влияние на восприятие и оценку речи разных районных центров.

В данной статье исследуется оценка речи двух довольно крупных городов, находящихся на территории пермского региолекта, — Соликамска и Кунгура.

Город Соликамск находится на севере Пермского края. Первое упоминание о городе относится к 1430 г. Вся история Соликамска связана с горной промышленностью. В XV–XVI вв. в городе процветали соляные промыслы, в конце XVII — начале XVIII в. он становится крупнейшим солеваренным центром России. Большое значение в хозяйственно-торговом развитии Соликамска сыграло и его расположение — в XVII в. это был значимый транзитный пункт на пути в Сибирь. Современный хозяйственный профиль города определяют горнохимическая (добыча калийных солей и производство минеральных удобрений) и металлургическая промышленность (производство магния, основанное на переработке калийно-магниевого солей), а также предприятия лесной и военной отрасли («Уралкалий», «Соликамский магниевый завод», «Соликамскбумпром», «Соликамский завод “Урал”»). Население города — около 92 тыс. чел.; в этническом составе Соликамского района большая часть населения представлена русскими (89,8%), но высока доля коми-пермяков (1,8%) и украинцев (1,6%)¹: представители коми-пермяцкого этноса являются коренными жителями региона, появление украинцев связано с миграционными процессами XX в.

Кунгур — город на юге Пермского края. Основан в 1648 г. В XIX в. Кунгур стал одним из крупнейших центров оптовой торговли чаем: через город проходил Великий чайный путь, по которому чай из Китая доставлялся в Европу и Америку. Исторически это был крупный торговый и ремесленный центр. На кунгурских ярмарках и базарах можно было приобрести такие редкости, как среднеазиатские специи и китайский фарфор. В настоящее время ремесленные традиции в городе продолжают развиваться. Кунгур до сих пор сохранил свою значимость как один из культурно-исторических центров Пермского края. На его территории располагаются геологические и природные памятники, среди которых Кунгурская ледяная пещера, входящая в десятку самых крупных пещер мира, что обеспечивает приток туристов. Промышленность представлена «Кунгурским машиностроительным заводом», фабрикой по производству стройматериалов «KNAUF Кунгур», мясокомбинатом и мо-

¹ Федеральная служба государственной статистики. <https://showdata.gks.ru/report/278928> (дата обращения: 03.09.2022).

лочным комбинатом. Население Кунгура сейчас составляет более 63,5 тыс. чел.; в национальном составе Кунгурского района высока доля татар — 9%².

Как видим, города отличаются историей, типом деятельности основного состава населения и, соответственно, его социальным составом. Особый интерес представляет национальный состав населения, который оказывает влияние на речь городов. Несмотря на то что говоры обеих территорий относятся к вологодско-вятской группе севернорусских диалектов, в них наблюдаются разные диалектные черты, связанные зачастую с влиянием финно-угорских (Соликамский район) и тюркских (Кунгурский район) языков [Ерофеева, Штерн 1998].

В связи со всем сказанным данные города являются идеальными объектами для изучения территориального и социального варьирования внутри региолекта.

Оценка речи и методы ее исследования

Одним из аспектов изучения языковой вариативности является выявление перцептивно значимых/выделенных (*salience*) особенностей речи, на основе которых носители языка выносят суждения о речи или человеке [Trudgill 1986; Preston 1999; Coupland 2007; Garrett 2010; и др.]. Область социолингвистических исследований, посвященную вариативности субъективных оценок регионально окрашенной речи самими носителями того или иного языка, У.Лабов связывает с изучением социальных стереотипов [Labov 1972: 237], так как на основе перцептивно значимых особенностей речи слушающий выносит суждение не только о региональной, но и о социальной принадлежности собеседника, при этом они служат и для конструирования социальных смыслов — формирования стереотипов относительно людей, в речи которых наблюдаются такие особенности.

Наименования данной проблемной области до сих пор окончательно не устоялось: параллельно используются термины «исследование оценок речи», «исследование речевого стиля», «исследование отношения к языку» [Zahn, Hopper 1985: 113]; используемые методы также отличаются вариативностью. В настоящее время чаще всего используются три пути опроса информантов для формирования сведений об их оценке речи или человека по речи:

- 1) предлагать оценивающим самим выбирать характеристики, приписываемые тому или иному варианту произношения [Niedzielski, Preston 2003];
- 2) предлагать оценивающим специально разработанные социальные и/или психологические опросники [Svenstrup 2013];
- 3) предлагать оценивающим специальные шкалы, согласно которым оценивается речь говорящих [Andrews 1995; Ryan, Carranza 1975; Zahn, Hopper 1985].

Исследование Н. Неджельски и Д. Престона [Niedzielski, Preston 2003] показало, что метод свободной стереотипизации, примененный для материала речи разных американский штатов, позволил явно выделить только один акцент — акцент южных штатов; для остальных случаев наблюдается слишком большой спектр как региональных вариантов, так и социально-психологических категорий, приписываемых вариантам произношения, не позволяющий категоризовать варианты.

² Федеральная служба государственной статистики. <https://showdata.gks.ru/report/278928> (дата обращения: 03.09.2022).

Чаще встречаются исследования, в которых оценки акцентной речи отобраны самими исследователями, при этом отбор оценок также различается.

Н. Купланд предлагает проверять только два социально-психологических параметра, приписываемых акцентной речи: правильность, связанную со статусом или компетентностью, и приятность, связанную с солидарностью (социальной привлекательностью). По его мнению, образуя многомерную шкалу, эти два полюса могут помочь определить социальное отношение к любой речи (например, «изыщная» речь находится близко к полюсу статуса и максимально далеко — от полюса приятности) [Coupland 2007: 94–95].

Э. Райан и М. Карранза для оценки английского языка американцев мексиканского происхождения добавляют к типичным для работ в области оценок речи шкалам статуса и солидарности шкалы активности и пассивности (энергичность, активность, агрессивность, атлетизм): вероятно, этот дополнительный класс необходим для проверки существующего у самих исследователей социального стереотипа [Ryan, Carranza 1975].

У. Ламберт и его соавторы предлагают использовать 14 или 15 семантических категорий — классы личностной близости, личностных способностей и социальной привлекательности, построенных как семантический дифференциал [Lumbert et al. 1966]; А. Мюлак с соавторами предлагают субшкалы социоинтеллектуального статуса, эстетических качеств и динамизма [Mulac et al. 1974]. Д. Эндрюс применяет 18 пятиступенчатых шкал, включая статусные и личностные: образованный/интеллектуальный, занимает важную должность, хорошо обеспеченный, надежный / достоин доверия, уверен в себе, свой человек, трудолюбивый, умный, интересный, добрый, красивый, хорошо себя выражает, скромный, честный/искренний, приятный/дружелюбный, имеет чувство юмора, гостеприимный, вежливый [Andrews 1995: 104]. М. Краузе и ее коллеги обратились не только к психологическим и социальным характеристикам говорящего, почти повторяющим список Д. Эндрюса, но и к территориальным и металингвистическим оценкам речи [Краузе, Подрушняк 2010: 354]. Для составления атласа диалектов Российской Федерации авторы применяли следующие шкалы оценок: территориальную — север, юг, другое; эмоциональную — приятно, неприятно, не знаю; «нормативную: совсем нелитературно, нелитературно (с вариантами оценок нелитературности 2, 3, 4), литературно; близости — близко к речи вашего региона, не близко, не знаю [Краузе et al. 2003: 193].

Таким образом, используемые методы чаще всего опираются на шкалирование, а сами шкалы могут быть основаны на социальных категориях, личностных признаках, а также на металингвистических характеристиках речи.

Материалом для исследований оценок регионально окрашенной речи чаще всего выступают записи устных спонтанных непубличных [Краузе, Подрушняк 2010] или публичных [Coupland 2007] текстов. Основным недостатком данного материала является невозможность полностью исключить влияние лексико-грамматических характеристик текста, а также темброво-мелодических особенностей речи конкретного говорящего на оценки. Как противоположность данному подходу к отбору материала Эндрюс предложил использовать метод масок (matched-guise), предполагающий чтение одного и того же фрагмента (Эндрюс использовал фрагмент романа Л. Н. Толстого «Война и мир») человеком, способным к имитации — воспроизведению заданных разновидностей речи: литературной (немар-

кированной), севернорусской (для имитации выбран параметр оканья) или южнорусской (выбран параметр реализации фонемы /g/ как [ɣ]) [Andrews 1995: 95]. К недостаткам такого материала относится его неестественный характер — чтение классического романа с диалектным акцентом, а также возможные проблемы с качеством имитации акцентов.

На материале русского языка исследования отношения к речи немногочисленны (см., напр.: [Ерофеева Е. В. 2016; Краузе, Подрушняк 2010; Krauze et al. 2003; и др.]). В настоящей статье авторы делают попытку дополнить данную предметную область.

Дизайн исследования

Отбор говорящих и экспериментального материала

В данном исследовании в качестве материала были выбраны фрагменты полуструктурированных интервью жителей Соликамска и Кунгура, посвященных городу, в котором они проживают (материал является частью проекта по изучению речи городов Пермского края). Интервьюируемыми в обоих городах выступили по 24 чел., выборка которых была сбалансирована по социальным параметрам «пол» (мужчина, женщина), «возраст» (1-я возрастная группа — от 25 до 34 лет, 2-я возрастная группа — от 35 до 44 лет, 3-я возрастная группа — от 45 до 55 лет), «образование» (высшее, среднее), «специальность» (гуманитарная, негуманитарная). Общий объем интервью составил 7 ч 36 мин звучащей речи (45 925 словоупотреблений).

Для эксперимента по оценке речи ввиду сложности эксперимента для участвующих в нем респондентов, оценивающих речь и говорящего по разным параметрам, привлекалась речь не всех, а только части говорящих. Всего было выбрано 16 говорящих, выборка которых была сбалансирована по факторам «город проживания» (Соликамск, Кунгур), «пол» (мужчина, женщина), «возраст» (выбраны две крайние возрастные группы: от 25 до 34 лет — далее 1-я группа, от 45 до 55 лет — далее 2-я группа), «образование» (высшее, среднее). Все говорящие, речь которых использовалась в эксперименте на восприятие, имели специальность гуманитарного профиля (данный фактор использовался в выборке информантов только как выравнивающий выборку, но не как фактор вариации). Данные об информантах представлены в таблице 1.

Из интервью этих говорящих были извлечены фрагменты длительностью около 20 с, представляющие собой законченные смысловые отрезки речи. Все фрагменты были на близкую тему: они выбраны из части интервью, посвященной климату и природе в городе. При отборе материала учитывалось отсутствие во фрагментах речи лексических единиц, указывающих на регион или город проживания говорящего, а также любых личных имен.

Приведем как пример расшифровку одного из использованных фрагментов:

От них бывает / наводнения / у нас // И некоторые районы / очень / попадают / особенно было / большое наводнение в семь<д>есят / девятом году / там ваще полгорода / плавало // Ну щас они дамбу построили и-и / как больше такого нет / но всё равно беспокойство / у жителей / кто вот рядышком живет вызывает // (№ 2: Кунгур, жен., 55 лет, образование среднее).

Таблица 1. Данные говорящих, речь которых использовалась в эксперименте

Номер информанта	Социальные параметры			
	Город	Пол	Возраст	Образование
1	Кунгур	Женщина	30 лет	Среднее
2	Кунгур	Женщина	55 лет	Среднее
3	Соликамск	Мужчина	54 года	Высшее
4	Кунгур	Мужчина	25 лет	Высшее
5	Соликамск	Женщина	48 лет	Высшее
6	Соликамск	Женщина	34 года	Среднее
7	Кунгур	Мужчина	33 года	Среднее
8	Соликамск	Мужчина	47 лет	Среднее
9	Кунгур	Мужчина	48 лет	Высшее
10	Кунгур	Женщина	33 года	Высшее
11	Соликамск	Женщина	30 лет	Высшее
12	Соликамск	Мужчина	32 года	Среднее
13	Кунгур	Женщина	55 лет	Высшее
14	Соликамск	Мужчина	33 года	Высшее
15	Соликамск	Женщина	50 лет	Среднее
16	Кунгур	Мужчина	55 лет	Среднее

Как видим, речь в использованных фрагментах могла характеризоваться не только фонетическими, но и лексическими и грамматическими нелитературными чертами, что свойственно спонтанной речи.

Признаки оценивания

В исследовании использовались 12 признаков оценки двух типов — оценки речи (металингвистические) и оценки человека (статусные).

Металингвистические признаки разработаны М.Краузе и ее соавторами [Krause et al. 2003: 193]: 1) близка речи вашего региона; 2) литературная; 3) приятная; 3) диалектная; 4) понятная; 5) разборчивая/четкая. Эти признаки объединяют оценки близости оцениваемой речи к речи самого оценивающего, нормативности, понятности, а также эмоциональные и субъективные оценки.

Вторая часть анкеты основана на оценках, использованных в работе [Краузе, Подрушняк 2010: 354], отражающих восприятие и оценку человека с точки зрения его социальных характеристик. Оценки говорящего по его речи представлены следующими атрибутами: 1) человек умственного труда; 2) горожанин; 3) образованный; 4) занимает важную должность; 5) обеспеченный; 6) молодой. Используемые социальные признаки частично соотносятся с известными экспериментаторам социальными параметрами информантов, такими как место рождения (горожанин), образование (человек умственного труда, образованный), возраст (молодой); частично включают вопросы относительно успешности человека (занимает важную должность, обеспеченный), которые экспериментаторы не могут оценить объективно.

Респонденты, оценивающие речь

В качестве респондентов, оценивающих речь и говорящего по указанным выше признакам, были привлечены четыре группы, проживающих в разных городах: жители Соликамска, Кунгура, Перми и Санкт-Петербурга (всего 84 респондента по 21 чел. из каждого города). По отношению к месту проживания говорящих группы респондентов представляют градацию: жители того же самого города (ингруппа); центра региона и города, находящегося в другой части региона, речь которых принадлежит тому же региолекту, однако обладает не только сходными чертами, но и отличиями в рамках этого региолекта; представители одной из литературных норм (аутгруппа).

Социологи считают, что при оценке человека люди склонны брать за точку отсчета свою социальную группу и оценивать ее более положительно, чем другие, что получило название эффекта ингруппового фаворитизма [Самнер 1998]. Привлечение разных групп к эксперименту по оценке речи и социальных и личностных характеристик человека может позволить проследить не только разницу в восприятии в зависимости от места проживания респондента, но и данный эффект.

Процедура эксперимента

Эксперимент проводился на платформе Google Forms. Анкета для респондентов включала социальную часть, в которой они отмечали свой пол, возраст, место рождения и место жительства (к обработке принимались только ответы респондентов, у которых место рождения и место жительства совпадали). Далее информантам предлагалось прослушать 16 фрагментов речи, и они должны были сначала оценить по указанным параметрам речь, а затем говорящего человека. В анкете шкалы по оценке речи и человека были представлены отдельными блоками, чтобы слушающий мог сосредоточиться сначала на характеристиках речи, а потом — на характеристиках говорящего. В обоих блоках анкеты использовались пятиступенчатые шкалы; по каждому признаку оценивания респондент должен был поставить отметку в одном из вариантов ответов: 5 — полностью согласен, 4 — скорее согласен, 3 — не уверен, 2 — скорее не согласен, 1 — полностью не согласен. Количество прослушиваний фрагмента речи и время прохождения эксперимента не ограничивались. Всего в результате эксперимента было получено 16 128 реакций респондентов.

Методы обработки результатов

Для полученных распределений оценок по каждому из признаков были получены медианы (Me), которые обычно используются в качестве меры центральной тенденции при работе со шкалами порядка. Медиана в таком случае рассматривается как усредненная субъективная оценка по всей группе испытуемых [Фрумкина 1971]. Медианы рассчитывались по цифровым значениям шкал. Зоной нейтральных оценок считался интервал [2,5–3,5], зоной положительной оценки — интервал (3,5–5], зоной отрицательной оценки — интервал [1–2,5).

Для оценки согласованности мнений испытуемых применялся полуинтерквартильный размах (Q); а для измерения сходства распределений ответов по группам — коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r).

Статистические параметры распределений были получены для следующих групп стимулов:

- 1) отдельные стимулы по оценкам жителей разных городов;
- 2) стимулы из Соликамска и Кунгура по оценкам жителей разных городов;
- 3) стимулы из Соликамска в зависимости от социальных параметров говорящих (пол, возраст, образование) по оценкам жителей разных городов;
- 4) стимулы из Кунгура в зависимости от социальных параметров говорящих (пол, возраст, образование) по оценкам жителей разных городов.

Оценивание стимулов респондентами

Согласие оценок

Прежде чем рассматривать оценки по группам стимулов, необходимо было оценить степень согласия респондентов относительно отдельных стимулов. Степень согласия оценивалась для респондентов, проживающих в одном городе. Всего было рассмотрено 768 рядов оценок. Если величина полуинтерквартильного размаха $Q \leq 0,6$, степень согласия считалась единодушной; если значение Q варьировало в пределах $(0,6-0,9]$, — хорошей; в интервале $(0,9-1,1)$, — средней, если $Q \geq 1,1$ — плохой [Фрумкина 1971].

В подавляющем большинстве случаев было получено единодушное (316) и хорошее (377) согласие ответов респондентов, что составляет в совокупности 90,23 % от всей массы рассмотренных рядов оценок; плохое согласие получено только в 8 случаях (1,04 % от всех рядов ответов). Это позволяет говорить о высокой стабильности и неслучайности ответов респондентов.

Из восьми стимулов, которые у одной из групп респондентов получили плохое согласие, в шести случаях эти оценки относились к металингвистическим шкалам (разборчивая/четкая — 2, литературная — 2, диалектная — 1, близка речи вашего региона — 1) и только в двух — к социальным параметрам говорящего (человек умственного труда — 1, молодой — 1). Можно сделать аккуратное предположение, что металингвистические характеристики речи воспринимаются слушающими менее однозначно, чем статусные.

Корреляция оценок отдельных стимулов респондентами из разных городов

Для рядов медиан оценок, данных респондентами из разных городов — Перми, Соликамска, Кунгура и Санкт-Петербурга, были рассчитаны коэффициенты корреляции (см. табл. 2).

Таблица 2. Корреляции оценок отдельных стимулов респондентами из разных городов

	Пермь	Соликамск	Кунгур
Санкт-Петербург	0,75	0,74	0,63
Пермь		0,84	0,79
Соликамск			0,83

Как видно из таблицы, во всех случаях корреляция не ниже средней. Внутри региона высокая корреляция наблюдается между оценками стимулов респондентами из Перми и Соликамска (0,84), а также из Соликамска и Кунгура (0,83); также высокая, но все-таки чуть ниже, степень корреляции наблюдается между рядами оценок респондентов из Перми и Кунгура. Таким образом, мы видим, что все ответы респондентов внутри региолекта являются хорошо связанными, при этом респонденты из малых городов расходятся в оценках стимулов меньше, чем респонденты из центра, которые ближе по ответам Соликамску (более северному городу), чем Кунгуру (находящемуся в южной части края).

Оценки респондентов из Санкт-Петербурга связаны с оценками представителей Пермского региона чуть хуже, но в двух случаях (Пермь, Соликамск) корреляция остается высокой (0,75 и 0,74 соответственно). Корреляция с ответами респондентов из Кунгура у петербуржцев средняя (0,63).

Наблюдается следующая закономерность: высокая корреляция наблюдается между оценками жителей городов, находящихся на территории северных говоров в их типичном варианте (Пермь, Соликамск, Санкт-Петербург); для Кунгура ситуация неоднозначна — жители крупных городов (Перми и Санкт-Петербурга) дальше от оценок, данных жителями Кунгура, тогда как жители Соликамска солидарны в своих оценках с жителями Кунгура. Возможно, в этом случае наблюдается влияние особой языковой ситуации малых городов.

Оценки стимулов из Кунгура и Соликамска. Анализ оценок стимулов из Кунгура и Соликамска показывает, что респонденты из всех городов оценивают их примерно одинаково: диапазон разницы оценок речи Кунгура и Соликамска респондентами из одного города варьирует от 0,1 до 0,95, однако в $\frac{2}{3}$ случаев не превышает 0,2 (см. табл. 3). Этот результат свидетельствует о том, что в рамках региолекта речь малых городов довольно похожа. Однако разница в восприятии стимулов из Соликамска и Кунгура все же наблюдается.

Оценка образцов речи из Кунгура и Соликамска по металингвистическим признакам. Рассмотрим сначала металингвистические оценки речи «литературная», «диалектная» и «близка речи вашего региона», поскольку среди всех примененных металингвистических шкал именно они продемонстрировали наибольшую разницу в оценках; остальные шкалы варьируют в меньшей степени.

Как показывает рисунок 1, образцы речи из Кунгура всеми слушающими оцениваются как более литературные, чем образцы речи из Соликамска. При этом оценки слушающих из Кунгура отличаются минимально: литературность стимулов из Кунгура они оценивают в 3,58 балла, а стимулов из Соликамска — в 3,49 (т. е. разница составляет всего 0,09 балла). Разница в оценках своей речи и речи Кунгура у соликамцев выше и составляет 0,33 балла, у пермяков — 0,47 балла, а у петербуржцев эта разница максимальна — 0,95 балла. Таким образом, чем дальше от указанных городов место проживания респондентов, тем больше ощущается разница в литературности представленных образцов речи.

Наибольшие баллы по литературности речи получают стимулы из Кунгура в оценке респондентов из Перми и Санкт-Петербурга; наименьшие — стимулы из Соликамска в оценке респондентов из Санкт-Петербурга. Таким образом, ингрупповые оценки литературности своей речи у жителей Кунгура оказываются ниже, чем внешние оценки этой речи у респондентов из других городов;

Таблица 3. Медианы оценок речи в зависимости от места проживания говорящих и оценивающих респондентов

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Пермь		Санкт-Петербург	
	Стимулы		Стимулы		Стимулы		Стимулы	
	Кунгур	Соликамск	Кунгур	Соликамск	Кунгур	Соликамск	Кунгур	Соликамск
Близка речи вашего региона	2,53	2,68	2,44	2,59	2,77	2,94	4,35	3,09
Литературная	3,58	3,49	3,71	3,38	4,13	3,66	4,04	3,09
Приятная	2,91	3,02	2,84	2,70	3,08	2,90	2,99	2,85
Диалектная	3,39	3,54	3,41	3,70	3,60	3,75	3,36	3,80
Понятная	2,63	2,71	2,45	2,47	2,42	2,44	2,14	2,26
Разборчивая/четкая	2,73	2,81	2,63	2,54	2,63	2,56	2,25	2,26
Человек умственного труда	3,18	3,05	3,24	2,73	3,49	2,95	3,33	2,81
Горожанин	3,03	2,79	2,75	2,44	2,82	2,46	2,71	2,55
Образованный	2,85	2,86	2,89	2,57	3,02	2,59	2,78	2,57
Занимает важную должность	3,60	3,40	3,83	3,40	3,95	3,54	4,00	3,66
Обеспеченный	3,42	3,24	3,46	3,23	3,82	3,44	3,65	3,47
Молодой	3,36	3,31	3,22	3,06	3,56	3,40	3,68	3,14

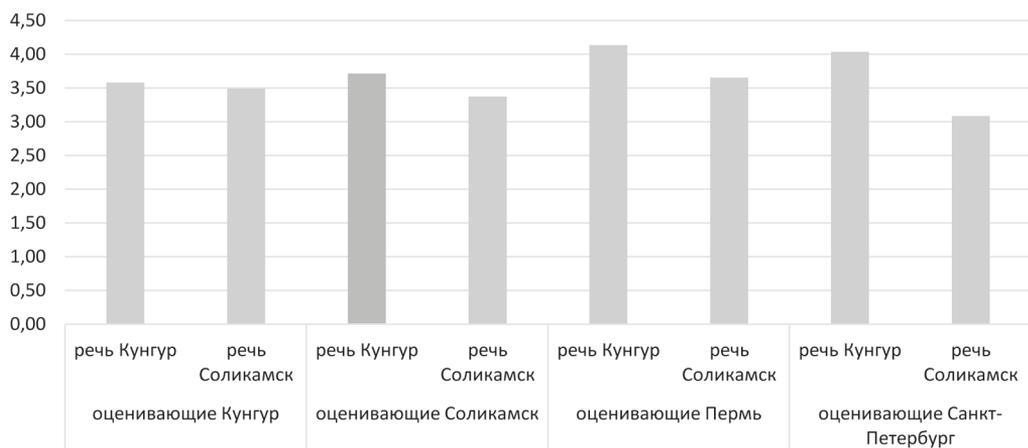

Рис. 1. Оценки речи по признаку «литературная»

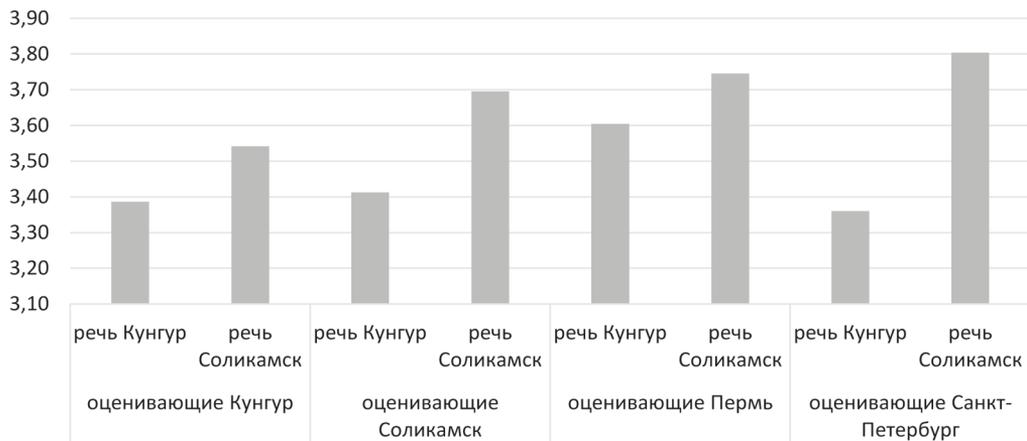

Рис. 2. Оценки речи по признаку «диалектная»

ингрупповые оценки литературности речи соликамцев также оказываются ниже, чем внешние оценки со стороны других жителей региона, но выше, чем внешнегрупповая оценка респондентов из Санкт-Петербурга.

Как показывают рисунок 1 и таблица 3, медианы оценок речи из Кунгура по шкале «литературная» во всех случаях оказываются в зоне положительной оценки, т. е. все группы респондентов оценивают речь жителей Кунгура как литературную; речь соликамцев как литературную оценили только респонденты из Перми; отрицательных оценок по данной шкале нет.

Внутригрупповые и внешнегрупповые оценки речи по признаку «диалектная» также отличаются. В оценке жителей разных городов большие баллы по диалектности получает речь соликамцев (см. рис. 2). Наибольшую разницу по данному признаку между образцами речи из Кунгура и Соликамска снова видят петербуржцы (0,44 балла); разница в оценке своей речи и стимулов из Кунгура у соликамцев составляет 0,29 балла; у пермяков и жителей Кунгура разница в оценках образцов по данному признаку речи минимальна (0,15).

Максимальные оценки по признаку «диалектная» образцам речи из Соликамска дают петербуржцы, а минимальные — жители Кунгура, оценки самих соликамцев выше, чем у жителей Кунгура, но чуть ниже, чем у жителей Перми.

Таким образом, внутри региона существует консенсус жителей относительно меньшей литературности и большей диалектности речи жителей Соликамска, однако все жители Пермского края, включая жителей Кунгура, оценивают стимулы из Кунгура как более диалектные и менее литературные, чем их оценивают жители Санкт-Петербурга.

Медианы оценок речи соликамцев по шкале «диалектная» во всех случаях оказываются в зоне положительной оценки, т. е. все группы респондентов оценивают речь жителей Соликамцев как диалектную; речь жителей Кунгура оценивают как диалектную только респонденты из Перми; отрицательных оценок по данной шкале нет (см. табл. 3 и рис. 2). Интересно, что респонденты из краевого центра, оставаясь в рамках общей тенденции оценивания речи Кунгура как более литературной и менее диалектной, дают положительные оценки стимулам и из Кунгура, и из

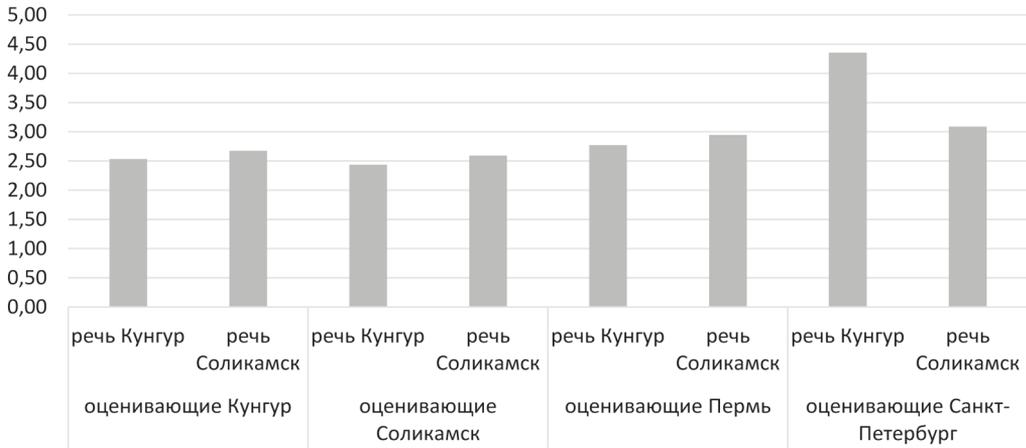

Рис. 3. Оценки речи по признаку «близка речи вашего региона»

Соликамска как литературным и диалектным одновременно. Очевидно, это может быть связано с пониманием жителей центра региона нормативности с двух точек зрения: как параметра, связанного, с одной стороны, с литературной, а с другой — с типичной региолектной речью.

С точки зрения близости к речи родного региона наблюдается довольно интересная ситуация: можно видеть, что внутри региона всеми респондентами речь соликамцев оценивается как более близкая речи региона в целом при минимальных отличиях в оценках, данных речи Соликамска и Кунгура (см. рис. 3). Однако оценки, данные по этой шкале петербуржцами, отличаются: во-первых, петербуржцы оценивают речь жителей Кунгура как весьма близкую своему региону (что логично, так как они ставят этой речи высокие оценки по шкале литературности); во-вторых, и речь Кунгура, и речь Соликамска петербуржцы оценивают как более близкую к речи своего региона, чем жители Пермского края.

Такие результаты могут объясняться несколькими причинами: с одной стороны, петербуржцы могут лучше жителей Пермского края чувствовать севернорусскую основу речи жителей Кунгура и Соликамска, которая является базовой и для петербургского произношения; с другой стороны, что более вероятно, ввиду большего количества приезжих и большего в этом смысле опыта перцепции чужой речи жители Санкт-Петербурга более лояльны к разным местным особенностям.

Медианы оценок речи Кунгура по шкале «близка речи вашего региона» оказываются в зоне отрицательной оценки у соликамцев и в зоне положительной оценки у петербуржцев; в остальных случаях оценки попадают в нейтральную зону (см. табл. 3 и рис. 3).

По оставшимся шкалам наблюдается следующая картина: по шкале «понятная» отмечаются оценки в отрицательной зоне у петербуржцев и жителей Перми для стимулов как из Кунгура, так и из Соликамска, а также у соликамцев для собственных стимулов; по шкале «разборчивая» отмечаются оценки в отрицательной зоне только у петербуржцев для обеих групп стимулов; по шкале «приятная» все группы информантов для всех стимулов дают оценки, попадающие в нейтральную зону (см. табл. 3).

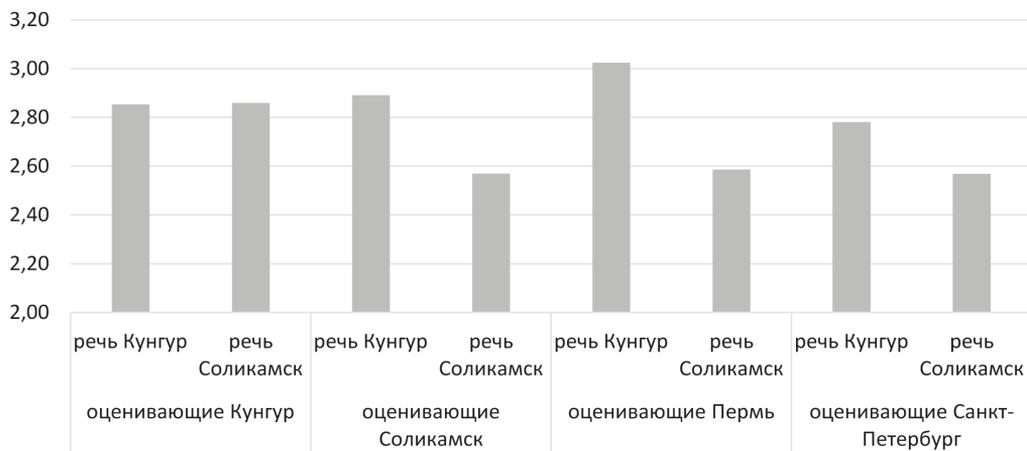

Рис. 4. Оценки речи по признаку «образованный»

Итак, в целом результаты анализа оценок металингвистических шкал показывают, что внутригрупповые оценки отличаются от внешнегрупповых, однако в одних случаях жители Пермского региона действуют как единая группа, противопоставленная в оценивании речи жителям Санкт-Петербурга (шкала «близка речи вашего региона»), а в других случаях внутри региона могут выделяться более дробные группы по городам (шкала «диалектная») или по противопоставлению «краевой центр — районный центр» (шкала «литературная»); в последнем случае краевой центр в своих оценках приближается к столичному городу.

Оценка говорящих из Кунгура и Соликамска по социальным признакам. Данные таблицы 3 показывают, что, согласно оценкам респондентов из всех городов, жители Кунгура по речи оцениваются выше по признакам «человек умственного труда», «горожанин», «занимает важную должность», «обеспеченный», чем жители Соликамска. Разница в значениях признаков невелика и довольно похожа для оценивающих из разных городов, но стабильна.

Довольно любопытны оценки, полученные по шкалам «образованный» и «молодой».

Как видно из рисунка 4, респонденты из всех городов, кроме самого Кунгура, оценивают по речи жителей Кунгура как более образованных на фоне жителей Соликамска. Однако оценка самих респондентов из Кунгура иная: они оценивают жителей Кунгура и Соликамска по речи как людей с равной степенью образованности. Таким образом, в данном случае внутригрупповая оценка отличается от внешнегрупповой; тем не менее все оценки по данной шкале не покидают нейтральной зоны (см. табл. 3 и рис. 4).

Что касается шкалы «молодой», то стимулы из Кунгура получают более высокие оценки, но у респондентов из краевого центра и Санкт-Петербурга оценки кунгурских стимулов выше (и попадают в положительную зону признака), чем у представителей районных центров (см. табл. 3 и рис. 5). Кроме того, в данном случае разница между оценками респондентов из Кунгура опять минимальна.

Медианы оценок жителей Кунгура по шкале «занимает важную должность» во всех случаях оказываются в зоне положительной оценки; при этом респонденты

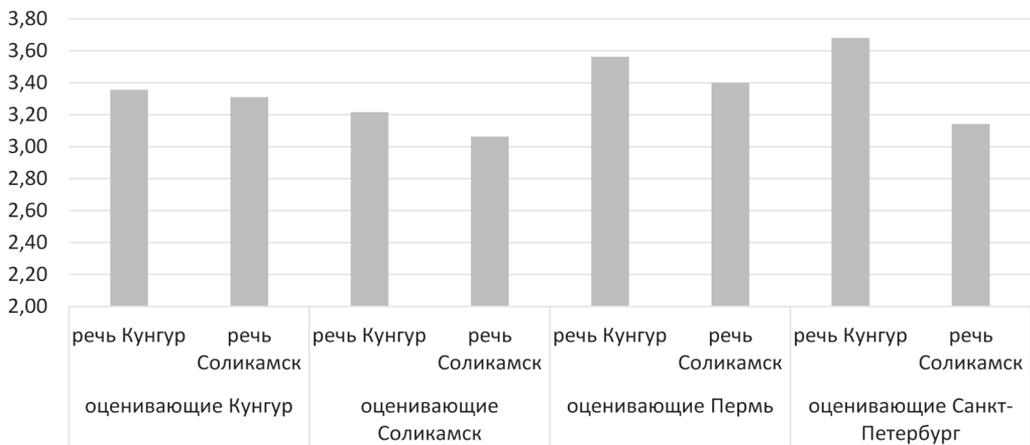

Рис. 5. Оценки речи по признаку «молодой»

из Перми и Санкт-Петербурга также положительно оценивают и речь жителей Соликамска (см. табл. 3). По шкале «обеспеченный» респонденты из Перми и Санкт-Петербурга дают оценки, попадающие в положительную зону; по шкале «человек умственного труда» все медианы оценок попадают в нейтральную зону (см. табл. 3).

Таким образом, анализ социальных шкал показывает, что по речи жители Кунгура оцениваются как имеющие более высокий социальный статус, чем жители Соликамска; однако респонденты из Кунгура в двух случаях почти не видят разницы в социальных параметрах говорящих из Кунгура и Соликамска.

Оценки стимулов из Кунгура и Соликамска в зависимости от социальных параметров говорящих. Помимо общей оценки речи разных районных городов Пермского края, был проведен анализ оценок речи в зависимости от реальных социальных характеристик говорящих: пола, возраста и образования.

Оценки стимулов из Кунгура и Соликамска в зависимости от пола говорящих. Медианы оценок стимулов из Кунгура и Соликамска в зависимости от пола говорящих представлены в таблицах 4 и 5. Как можно видеть из данных таблиц, речь говорящих-мужчин оценивается как более литературная, чем речь говорящих-женщин, вне зависимости от города проживания респондентов; и напротив, речь женщин оценивается как более диалектная, чем речь мужчин, или практически такая же по данному признаку. Речь мужчин оценивается как более приятная и более разборчивая, хотя по признаку понятности речи по-разному оцениваются стимулы из Кунгура и Соликамска: понятность речи выше у мужчин в Кунгуре и у женщин в Соликамске (разница при этом между медианами оценок по данному признаку у говорящих мужчин и женщин в Соликамске невелика).

Статусные социальные параметры мужчин по речи оцениваются также более положительно, чем статусные параметры женщин. Так, по шкалам «человек умственного труда», «горожанин», «занимает важную должность», «обеспеченный» все респонденты независимо от города проживания ставят мужчинам более высокие оценки, чем женщинам; по шкале «образованный» только в одном случае наблюдается равенство оценок мужчин и женщин (стимулы — Соликамск, оценивающие

Таблица 4. Медианы оценок речи жителей Кунгура в зависимости от пола говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Близка речи вашего региона	2,46	2,61	2,35	2,54	2,53	3,06	4,31	4,42
Литературная	3,68	3,49	4,00	3,39	4,44	3,62	4,23	3,40
Приятная	3,00	2,82	3,00	2,68	3,35	2,88	3,06	2,94
Диалектная	3,40	3,36	3,29	3,53	3,39	3,85	3,38	3,33
Понятная	2,69	2,57	2,51	2,39	2,44	2,39	2,31	1,93
Разборчивая/ четкая	2,80	2,67	2,70	2,56	2,63	2,62	2,38	2,10
Человек умственного труда	3,51	2,84	3,64	2,71	3,91	3,00	3,86	2,83
Горожанин	3,39	2,70	3,00	2,56	3,27	2,51	2,94	2,52
Образованный	3,16	2,64	3,29	2,54	3,44	2,68	3,16	2,55
Занимает важную должность	3,73	3,48	4,10	3,64	4,07	3,81	4,07	3,90
Обеспеченный	3,47	3,35	3,53	3,38	3,97	3,67	3,74	3,58
Молодой	3,30	3,42	3,00	3,39	3,33	3,86	3,75	3,62

Таблица 5. Медианы оценок речи жителей Соликамска в зависимости от пола говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Близка речи вашего региона	2,53	2,68	2,44	2,59	2,77	2,94	4,35	3,09
Литературная	3,58	3,49	3,71	3,38	4,13	3,66	4,04	3,09
Приятная	2,91	3,02	2,84	2,70	3,08	2,90	2,99	2,85
Диалектная	3,39	3,54	3,41	3,70	3,60	3,75	3,36	3,80
Понятная	2,63	2,71	2,45	2,47	2,42	2,44	2,14	2,26
Разборчивая/ четкая	2,73	2,81	2,63	2,54	2,63	2,56	2,25	2,26
Человек умственного труда	3,18	3,05	3,24	2,73	3,49	2,95	3,33	2,81
Горожанин	3,03	2,79	2,75	2,44	2,82	2,46	2,71	2,55
Образованный	2,85	2,86	2,89	2,57	3,02	2,59	2,78	2,57
Занимает важную должность	3,60	3,40	3,83	3,40	3,95	3,54	4,00	3,66
Обеспеченный	3,42	3,24	3,46	3,23	3,82	3,44	3,65	3,47
Молодой	3,36	3,31	3,22	3,06	3,56	3,40	3,68	3,14

респонденты — Кунгур), в остальных случаях мужчины также получают более высокие оценки. Только по шкале «молодой» в случае со стимулами из Кунгура женщины у трех групп респондентов из Пермского края получают более высокие баллы.

Такие результаты никак не поддерживаются ни реальными социальными параметрами говорящих (которые сбалансированы в выборке стимулов), ни характеристиками их речи и обусловлены, скорее всего, гендерными стереотипами, согласно которым мужчины считаются более успешными в социуме, выполняющими более важные социальные роли и получающими более высокие зарплаты. Похожие результаты для русскоязычного материала получены и Д. Эндрюсом [Andrews 2003: 292–293].

Оценки стимулов из Кунгура и Соликамска в зависимости от возраста говорящих. Медианы оценок речи жителей Кунгура и Соликамска в зависимости от возраста говорящих представлены в таблицах 6 и 7 (напомним, что 1-я возрастная группа — это более молодые говорящие от 25 до 34 лет; 2-я возрастная группа — это говорящие старшего возраста от 45 до 55 лет).

В первую очередь обратим внимание на то, что по металингвистическим шкалам стимулы из Кунгура и Соликамска оцениваются в зависимости от возраста говорящих по-разному. Так, если при оценивании стимулов из Соликамска почти все респонденты считают, что речь старшей возрастной группы более литературна, приятна, понятна, разборчива и более близка речи их региона и в то же время менее диалектна, чем речь младшей возрастной группы (см. табл. 7), то со стимулами из Кунгура картина неоднозначна.

Например, респонденты из Соликамска и Санкт-Петербурга считают, что в данном случае речь младшей возрастной группы более литературна, чем речь старшей; респонденты из Перми, напротив, считают более литературной речь старшей возрастной группы; а респонденты из Кунгура не видят разницы в речи по этому параметру. Соответственно с этим оценивается и диалектность речи Кунгура: пермяки считают, что речь младшей возрастной группы более диалектна, респонденты из Соликамска и Петербурга придерживаются противоположного мнения, а респонденты из Кунгура считают речь младшей и старшей возрастных групп примерно одинаковой по данному параметру (см. табл. 6).

По шкале «близка речи вашего региона» речь старшей возрастной группы говорящих из Кунгура оценивается как более близкая жителями самого Кунгура, Соликамска и в наибольшей степени Перми, в то время как петербуржцы не видят разницы между речью старшей и младшей возрастных групп по этому признаку (см. табл. 6).

Все респонденты считают, что у говорящих из Кунгура более понятна речь старшей возрастной группы на фоне младшей, однако по признаку «разборчивость» младшая возрастная группа получает более высокие баллы у респондентов из Соликамска. При этом речь младшей возрастной группы говорящих из Кунгура почти всеми респондентами (кроме респондентов из самого Кунгура) по шкале «приятная» оценивается выше, чем речь старшей группы (см. табл. 6).

Если обратиться к социальным признакам, то можно заметить, что здесь наблюдаются те же тенденции, что и при оценке речи по металингвистическим параметрам: по всем рассмотренным статусным признакам старшая возрастная группа говорящих из Соликамска получает больше баллов от всех групп респондентов, чем младшая (см. табл. 7).

Таблица 6. Медианы оценок речи жителей Кунгура в зависимости от возраста говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа
Близка речи вашего региона	2,41	2,64	2,33	2,55	2,55	3,13	4,36	4,35
Литературная	3,58	3,58	3,81	3,61	4,07	4,20	4,23	3,75
Приятная	2,87	2,95	2,92	2,76	3,18	2,97	3,38	2,82
Диалектная	3,42	3,36	3,34	3,47	3,96	3,06	3,25	3,43
Понятная	2,58	2,67	2,42	2,48	2,34	2,49	2,09	2,18
Разборчивая/ четкая	2,69	2,77	2,71	2,57	2,50	2,76	2,26	2,24
Человек умственного труда	3,26	3,07	3,43	3,08	3,33	3,65	3,35	3,32
Горожанин	3,03	3,03	2,64	2,89	2,57	3,23	2,64	2,78
Образованный	2,83	2,88	2,94	2,84	2,81	3,29	2,76	2,80
Занимает важную должность	3,63	3,58	3,86	3,80	3,83	4,06	3,93	4,05
Обеспеченный	3,38	3,44	3,43	3,49	3,71	3,91	3,51	3,78
Молодой	2,83	3,88	2,62	3,79	2,68	4,32	2,60	4,43

Таблица 7. Медианы оценок речи жителей Соликамска в зависимости от возраста говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа	1 группа	2 группа
Близка речи вашего региона	2,64	2,71	2,52	2,67	2,87	3,06	2,94	3,23
Литературная	3,34	3,64	3,14	3,61	2,92	4,13	2,76	3,62
Приятная	2,89	3,15	2,56	2,84	2,64	3,32	2,68	3,09
Диалектная	3,53	3,55	3,83	3,59	3,93	3,58	3,83	3,78
Понятная	2,63	2,80	2,37	2,57	2,29	2,63	2,03	2,44
Разборчивая/ четкая	2,59	3,10	2,41	2,70	2,35	2,81	1,95	2,56
Человек умственного труда	2,94	3,14	2,60	2,93	2,62	3,43	2,61	3,10
Горожанин	2,68	2,91	2,27	2,67	2,24	2,73	2,37	2,76
Образованный	2,79	2,92	2,43	2,77	2,41	2,74	2,39	2,75
Занимает важную должность	3,29	3,48	3,17	3,69	3,27	3,81	3,51	3,81
Обеспеченный	3,20	3,29	3,00	3,42	3,19	3,69	3,32	3,61
Молодой	3,22	3,40	2,77	3,34	3,10	3,74	3,20	3,08

Оценки образцов речи из Кунгура довольно разнообразны и в этом случае и иногда противоречат друг другу и оценкам по металингвистическим шкалам. Так, по шкале «горожанин» респонденты из Перми поставили более высокие оценки кунгурским говорящим младшей возрастной группы, и в то же время их речь они оценили как более диалектную, чем у старшей возрастной группы; по шкале «человек умственного труда» респонденты из Кунгура и Соликамска выше оценивают младшую возрастную группу, а жители Перми — старшую, и т. п. (см. табл. 6).

Таким образом, если для стимулов из Соликамска наблюдается достаточно однозначная картина по более высокой оценке речи и социальных параметров говорящих старшей возрастной группы, то для стимулов из Кунгура разные шкалы и разные респонденты показывают различные результаты. Возможно, речь соликамцев больше соответствует стандартным представлениям респондентов о речи разных возрастных групп.

Отдельно обратимся к оценкам говорящих из обоих городов по шкале «молодой» как непосредственно связанной с параметром «возраст». Оказалось, что более высокие баллы по данной шкале и в случае с оценкой речи Кунгура, и в случае с оценкой речи Соликамска получают говорящие старшей возрастной группы (см. табл. 6, 7), т. е. все группы респондентов (за исключением оценивания говорящих из Соликамска респондентами из Санкт-Петербурга) оценивают по речи более старших говорящих как более младших. Это довольно любопытный результат, который может быть связан с металингвистическими оценками: более литературная и правильная речь ассоциируется с более молодым возрастом информантов.

Оценки стимулов из Кунгура и Соликамска в зависимости от образования говорящих. Медианы оценок речи жителей Кунгура и Соликамска в зависимости от образования говорящих представлены в таблицах 8 и 9.

Как видно из таблиц, в зависимости от того, принадлежат стимулы говорящим из Кунгура или Соликамска, оценка их в зависимости от степени образования говорящих неодинакова.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что у всех слушающих речь жителей Кунгура со средним образованием по таким металингвистическим шкалам, как «литературная», «понятная», «разборчивая» и «близка речи вашего региона», получает более высокие оценки, чем речь жителей Кунгура с высшим образованием; при этом, независимо от уровня образования говорящих, оценки литературности речи довольно высоки и почти во всех случаях попадают в значимую зону положительной оценки (см. табл. 8). По шкале «диалектная», напротив, стимулы говорящих с высшим образованием оцениваются в основном выше, чем стимулы говорящих со средним образованием; только респонденты из Кунгура оценили речь людей со средним образованием как более диалектную (см. табл. 8). Возможно, внутригрупповая оценка речи в данном случае отличается от внешней: выраженность признаков «литературная» и «диалектная» у внешних оценок больше.

По шкале «приятная» оценки речи жителей Кунгура с высшим и средним образованием существенно отличаются у респондентов из Перми, которым стимулы говорящих со средним образованием показались более приятными (см. табл. 8).

Таблица 8. Медианы оценок речи жителей Кунгура в зависимости от образования говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее
Близка речи вашего региона	2,50	2,57	4,08	4,63	2,77	2,77	2,29	2,57
Литературная	3,47	3,70	3,57	4,25	4,07	4,20	3,50	3,92
Приятная	2,85	2,97	3,00	2,97	2,93	3,25	2,91	2,79
Диалектная	3,36	3,41	3,46	3,25	3,73	3,48	3,48	3,36
Понятная	2,60	2,67	2,14	2,14	2,34	2,50	2,44	2,47
Разборчивая/ четкая	2,68	2,79	2,14	2,34	2,49	2,75	2,59	2,67
Человек умственного труда	2,97	3,32	2,97	3,54	3,12	3,75	3,17	3,30
Горожанин	2,89	3,18	2,63	2,78	2,69	2,97	2,62	2,86
Образованный	2,73	3,00	2,67	2,89	2,85	3,22	2,77	3,00
Занимает важную должность	3,53	3,68	3,81	4,18	3,73	4,13	3,72	3,96
Обеспеченный	3,32	3,51	3,61	3,70	3,69	3,94	3,38	3,55
Молодой	3,33	3,38	3,80	3,50	3,50	3,64	3,41	3,00

Таблица 9. Медианы оценок речи жителей Соликамска в зависимости от образования говорящих

Признаки	Оценивающие речь респонденты							
	Кунгур		Соликамск		Перьмь		Санкт-Петербург	
	Говорящие		Говорящие		Говорящие		Говорящие	
	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее	Высшее	Среднее
Близка речи вашего региона	2,87	2,55	2,63	2,56	2,83	3,17	3,31	2,94
Литературная	3,55	3,44	3,26	3,48	3,91	3,50	3,17	3,00
Приятная	3,18	2,89	2,78	2,61	3,10	2,74	3,13	2,65
Диалектная	3,56	3,53	3,68	3,71	3,68	3,81	3,83	3,79
Понятная	2,78	2,65	2,53	2,39	2,55	2,33	2,32	2,20
Разборчивая/ четкая	2,89	2,73	2,63	2,44	2,68	2,42	2,32	2,22
Человек умственного труда	3,15	2,94	2,64	2,82	2,96	2,94	2,74	2,89
Горожанин	2,83	2,74	2,49	2,39	2,43	2,50	2,50	2,60
Образованный	3,03	2,72	2,56	2,58	2,54	2,64	2,51	2,63
Занимает важную должность	3,37	3,42	3,43	3,36	3,58	3,50	3,69	3,61
Обеспеченный	3,23	3,26	3,28	3,19	3,48	3,39	3,45	3,50
Молодой	3,26	3,35	2,93	3,20	3,38	3,42	3,00	3,29

По социальным признакам жители Кунгура со средним образованием также по речи оцениваются выше, чем люди с высшим образованием: по всем статусным шкалам (кроме шкалы «молодой») стимулы, полученные от говорящих со средним образованием, у всех групп респондентов получили более высокие баллы (см. табл. 9).

При оценке стимулов из Соликамска картина меняется. По шкалам «понятная», «разборчивая» и «приятная» все оценивающие ставят образцам речи людей с высшим образованием более высокие баллы, чем образцам речи людей со средним образованием (см. табл. 9). Однако по шкале «литературная» речь говорящих из Соликамска с высшим образованием однозначно выше оценивается только респондентами из Перми; оценки жителей Кунгура и Петербурга также выше для людей с высшим образованием, однако не столь значительно отличаются от оценок речи людей со средним образованием; что касается внутрigrупповых оценок соликамцев, то они считают речь людей со средним образованием более литературной. Кроме того, в данном случае оценки речи по шкале «литературная» плохо соответствуют оценкам по шкале «диалектная»: так, если пермяки оценивают речь говорящих со средним образованием как менее литературную и более диалектную, то соликамцы считают ее одновременно и более литературной, и более диалектной (см. табл. 9).

Все группы респондентов, кроме жителей Перми, считают, что речь соликамцев с высшим образованием ближе речи их региона, однако пермяки посчитали более близкой речь соликамцев со средним образованием (см. табл. 9).

По социальным параметрам оценки речи жителей Соликамска в зависимости от уровня образования также противоречивы. Обратимся сначала к шкале «образованный», непосредственно связанной с рассматриваемым социальным параметром. Только жители Кунгура однозначно по речи оценивают соликамцев с высшим образованием как более образованных, чем соликамцев со средним образованием; респонденты из других городов ставят более высокие оценки по этому признаку людям со средним образованием, хотя нужно отметить, что разница в значениях невелика, а у жителей Соликамска минимальна (см. табл. 9). Можно сказать, что три группы респондентов, включая самих соликамцев, не видят особой разницы в образованности говорящих из Соликамска, хотя по литературности речи они ставили разные оценки людям со средним и высшим образованием.

Жители Кунгура также оценивают говорящих из Соликамска с высшим образованием по признаку «человек умственного труда» выше, чем говорящих со средним образованием; однако сами соликамцы и жители Санкт-Петербурга ставят по данному признаку более высокие оценки именно людям со средним образованием (см. табл. 9).

По шкалам «горожанин», «занимает важную должность», «обеспеченный» все группы респондентов ставят примерно одинаковые оценки соликамцам с высшим и средним образованием (см. табл. 9).

Интересные результаты в данном случае показывает признак «молодой»: все группы респондентов посчитали говорящих из Соликамска со средним образованием более молодыми, чем говорящих с высшим (см. табл. 9).

Хотя результаты по стимулам из Кунгура и Соликамска в данном случае отличаются, можно с уверенностью сказать, что по речи респонденты, в том числе и ре-

спонденты из того же города, не могут с надежностью опознать такой социальный параметр говорящего, как его образование. Отметим, что в реальной речи респондентов из Пермского края фактор «образование» не показал существенного влияния на реализацию региолектных фонетических особенностей [Ерофеева 2005], поэтому можно предположить, что уровень образования, в отличие от полученной специальности, не влияет на речь внутри региона не только на фонетическом уровне. Кроме того, в данном случае все говорящие — люди с гуманитарными специальностями; возможно, внутри гуманитарной сферы, подразумевающей более высокий уровень владения языком в целом, уровень образования не играет значимой роли.

Выводы

Проведенное исследование оценок речи по металингвистическим признакам и оценок говорящих по их речи показало, что использование в качестве материала русской региолектной речи в некоторых случаях приводит к результатам, похожим на результаты, полученные на материале диалектной речи, а в некоторых случаях, напротив, показывает иные тенденции.

Так, при оценке речи разных районных центров внутри региона прослеживаются две тенденции объединения мнения групп оценивающих респондентов: при оценке северного варианта противопоставляются оценки жителей городов, находящихся на территории типичных северных говоров, и оценки, полученные от жителей более южного региона с влиянием тюркских языков; при оценке речи южного варианта региолектной речи противопоставленными оказываются оценки районных центров и столиц. Таким образом, респонденты ощущают разницу в стимулах из Кунгура и Соликамска, но по-разному относятся к ней в зависимости от своего места проживания (в том числе и от места проживания в Пермском крае), т. е. в зависимости от своего лингвистического опыта.

Полученная «ментальная карта» оценок вариантов региолектной речи показывает, что разные металингвистические признаки работают по-разному.

Одним из самых значимых социолингвистических признаков является литературность (стандартность) речи, которая, как считают исследователи, интуитивно противопоставлена диалектности речи [Краузе, Подрушняк 2010]. Наши результаты показывают, что речь Кунгура оценивается как более литературная, а речь Соликамска — как более диалектная, прототипическая «пермская» речь с более выраженными севернорусскими чертами. При этом чем дальше от места проживания говорящего находятся оценивающие, тем сильнее они ощущают различия в литературности и диалектности стимулов, но для самих жителей Кунгура и Соликамска данные параметры нерелевантны. Таким образом, внутренняя и внешняя оценка литературности и диалектности речи различаются, и ингруппой в данном случае становятся жители малых городов в противопоставлении большим.

Такая характеристика, как «близость к речи своего региона», продемонстрировала явление, обратное ингрупповому фаворитизму: петербуржцы устойчиво определяли образцы региолектной речи как близкие, в отличие от самих жителей региона. Возможно, у самих носителей пермского региолекта более жесткие критерии отнесения речи к «своей» и в представленных образцах им недостает региолектной окраски.

Аут- и ингрупповые различия обнаружались и для «прагматических» шкал понятности и разборчивости: петербуржцы и, в меньшей степени, пермяки склонны занижать оценки региолектной речи по этим параметрам, но сами жители малых городов не считают свою речь непонятной или неразборчивой.

Статусные шкалы, показывающие наличие представлений о социальном престиже носителей того или иного варианта регионального произношения, показали, что в целом более «статусной» внутри пермского региолекта является речь Кунгура, однако сами жители Кунгура склонны занижать статусные оценки и своей, и соликамской речи, иными словами, в случае с оценками говорящих по речи ингрупповой фаворитизм снова не работает.

Наконец, все исследователи отношения к языку признают, что, помимо собственно фонетической окрашенности речи, на приписываемые говорящим характеристики оказывают влияние и объективные социально-демографические характеристики, которые можно с разной степенью точности установить по речи [Andrews 2003]. Так, самый очевидный из социодемографических признаков человека — пол — подтвердил наличие стереотипов о большей социальной престижности мужчин вне зависимости от реальных характеристик их речи.

Речь соликамцев с высшим образованием (которое, в отличие от пола, является достигаемым, а не врожденным социальным параметром) ожидаемо получает более высокие оценки, чем речь соликамцев со средним образованием; речь жителей Кунгура со средним образованием неожиданно оценивается выше, чем речь говорящих из Кунгура с высшим образованием.

Единообразия демографических стереотипов относительно возраста не наблюдается. Например, типичная региональная речь соликамцев показывает наличие представлений, связанных с возрастом человека: говорящим более старшего возраста из Соликамска приписываются более высокие оценки по статусным шкалам, чем говорящим более младшего возраста. В случае с речью Кунгура различия в статусных оценках в зависимости от возраста говорящих противоречивы: петербуржцы и в некоторых случаях пермяки оценивают возрастные группы иначе, чем жители районных городов Пермского края, а сами жители Кунгура часто не видят различий в статусе у представителей старшей и младшей возрастной групп.

Отметим, что обратная связь между приписанным респондентами и реальным возрастом говорящего (молодые оцениваются как старшие, и наоборот) указывает на следующий путь формирования оценок: объективные характеристики речи формируют некоторые представления о ее нормативности/ненормативности, а затем уже согласно этим оценкам определяется возраст говорящего. Социальная психология описывает иной сценарий, согласно которому реальная социальная принадлежность индивида включает социальный стереотип. Таким образом, речь выступает важным социально-психологическим фактором, который действует напрямую в тех случаях, когда данные о социальном статусе человека отсутствуют.

В целом «лингвистическое профилирование» социальных характеристик говорящего показывает следующие общие закономерности: пол определяется на основе речи на родном языке однозначно и инициирует опору на сильные и единообразные стереотипы; возраст определяется в соответствии с характеристиками речи (сначала языковые стереотипы, приписываемые возрасту, затем — социальные стереотипы); уровень образования малопоказателен на данном материале.

Изучение оценок речи двух малых городов внутри одного региона демонстрирует, что стереотипные оценки речи и оценки человека по ней формируются в основном для говорящих из тех районов, в которых реализуется прототипический региолектный вариант произношения, типичная речь региона (в данном случае — Соликамск). Именно в такой речи респонденты ориентируются (причем не только респонденты внутри региона) и могут оценить социальные параметры говорящих. В случае зон нетипичной для региона речи, зон «диффузии» (Кунгур), не наблюдается стереотипных оценок человека по его речи, респонденты (включая самих жителей Кунгура) затрудняются с однозначными оценками.

Все это позволяет поставить вопрос о связи стереотипных представлений о речи и человеке с нормой: в регионах или отдельных городах, где региолектная норма устойчива, на основе этой региолектной нормы вырабатываются речевые социальные стереотипы; если в речи города или района наблюдается сильное смещение разных языковых систем и местная норма расплывчата, неустойчива, то формирование речевых социальных стереотипов затруднено.

* * *

Авторы благодарны всем оказавшим помощь в проведении эксперимента и привлечении респондентов, в первую очередь Лилии Михайловне Пантелеевой и Светлане Евгеньевне Юшковой.

Словари и справочная литература

Герд 2001 — Герд А. С. *Введение в этнолингвистику*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
Ермакова и др. 1999 — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. *Слова, с которыми мы все встречаемся: толковый словарь русского общего жаргона*. М.: Азбуковник, 1999.

Литература

- Букринская, Кармакова 2012 — Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая ситуация в малых городах России. В кн.: *Исследования по славянской диалектологии*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 153–164.
- Ерофеева 1979 — Ерофеева Т. И. *Локальная окрашенность литературной разговорной речи*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979.
- Ерофеева 2005 — Ерофеева Е. В. *Вероятностные структуры идиомов*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.
- Ерофеева 2009 — Ерофеева Т. И. *Социолект: стратификационное исследование*. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009.
- Ерофеева Е. В. 2016 — Ерофеева Е. В. Оценка регионально окрашенной городской речи в зависимости от сферы употребления. *Филологические заметки*. 2016, 14 (1): 189–201.
- Ерофеева Т. И. 2016 — Ерофеева Т. И. *Лингвистика городского пространства: социолингвистический подход изучения*. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2016.
- Ерофеева 2020 — Ерофеева Е. В. Региолект как континуум. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (4): 596–614.
- Ерофеева, Сторожева 2009 — Ерофеева Е. В., Сторожева Е. М. Идиомный компонент коннотативного значения слова. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009, (4): 5–13.
- Ерофеева, Штерн 1998 — Ерофеева Е. В., Штерн А. С. Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермской области. В кн.: *Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С. 31–146.

- Замыслова 2004 — Замыслова В. Н. *Произносительные особенности речи жителей малого города (на материале сочетаний согласных)*: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2004.
- Звуковой корпус 2014 — *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи*. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2014.
- Китайгородская, Розанова 2010 — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. *Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы*. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Краузе, Подрушняк 2010 — Краузе М., Подрушняк В. В. Имидж языковых разновидностей в современной России: значимость лингвистических и экстралингвистических факторов. В сб.: *Язык и общество в современной России и других странах*. Виноградов В. А., Михальченко В. Ю. (ред.). М.: [б. и.], 2010. С. 353–356.
- Осипов и др. 1994 — Осипов Б. И., Боброва Г. А., Имедадзе Н. А. и др. *Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города*. Осипов Б. И. (науч. ред.). Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1994.
- Самнер 1998 — Самнер У. Г. Народные обычаи: исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики. Добряков М. С. (пер. с англ.). *Рубеж (альманах социальных исследований)*. 1998, (12): 4–32.
- Фрумкина 1971 — Фрумкина Р. М. *Вероятность элементов текста и речевое поведение*. М.: Наука, 1971.
- Юнаковская 2004 — Юнаковская А. А. *Омское городское просторечие: фразеология: словарь*. Омск: Вариант-Сибирь, 2004.
- Andrews 1995 — Andrews D. R. Subjective Reactions to Two Regional Pronunciations of Great Russian: A Matched-Guise Study. *Canadian Slavonic Papers*. 1995, (37): 89–106.
- Andrews 2003 — Andrews D. R. Gender effects in a Russian and American Matched-guise study: A sociolinguistic comparison. *Russian Linguistics*. 2003, (27): 287–311.
- Auer et al. 2013 — *Space in Language and Linguistics: Geographical, Interactional, and Cognitive Perspectives*. Auer P., Hilpert M., Stukenbrock A., Szmrecsanyi B. (eds). Berlin: De Gruyter, 2013.
- Bellmann 1998 — Bellmann G. Between base dialect and standard language. *Folia Linguistica*. 1998, (32): 23–34.
- Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2007.
- Garrett 2010 — Garrett P. *Attitudes to Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Krause 2010 — Krause M. Zur Typologie von Sprachsituationen: binnensprachliche Variation zwischen Standard und Dialekt im heutigen Russland. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2010, (65): 53–81.
- Krause et al. 2003 — Krause M., Ljublinskaja V., Sappok Ch., Evdokimov E., Moskina E., Podrusnjak V. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: metasprachliches Wissen und linguistische Determinanten der Bewertung von Dialekten. *Zeitschrift für Slavistik*. 2003, 48 (2): 188–211.
- Krause et al. 2006 — Krause M., Ljublinskaja V. V., Sappok Ch. Russian speaker's dialect image — a perceptual study. In: *Topics in dialectal variation: Selection of Papers from the Eleventh International Conference on Methods in Dialectology*. Filppula M. et al. (eds). Joensuu: University of Joensuu, 2006. P. 31–34.
- Labov 1972 — Labov W. *Sociolinguistic Patterns (Conduct and Communication)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Long, Preston 2002 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Long D., Preston D. (eds). Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Lumbert et al. 1966 — Lumbert W. E., Frankel H., Tucker G. R. Judging personality through speech: a French-Canadian example. *The Journal of Communication*. 1966, 16 (4): 305–321.
- Mulac et al. 1974 — Mulac A., Hanley T. D., Prigge D. Y. Effects of phonological speech foreignness upon three dimensions of attitude of selected American listeners. *Quarterly Journal of Speech*. 1974, 60 (4): 411–420.
- Niedzielski, Preston 2003 — Niedzielski N., Preston D. *Folk Linguistics*. Berlin; New York: de Gruyter, 2003.
- Preston 1999 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Vol. 1. Preston D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999.

- Ryan, Carranza 1975 — Ryan E. B., Carranza M. A. Evaluative reactions of adolescents toward speakers of standard English and Mexican American accented English. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975, 31 (5): 855–863.
- Schmidt, Herrgen 2011 — Schmidt J. E., Herrgen J. *Sprachdynamik: Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung*. Berlin: Erich Schmidt, 2011.
- Spiekermann 2008 — Spiekermann H. *Sprach in Baden-Württemberg: Merkmale des Regionalen Standart*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2008.
- Svenstrup 2013 — Svenstrup Ch. H. Language Attitudes in south-west Germany. In: *Language (de)standardization in late modern Europe: Experimental studies*. Kristiansen T., Grondelaers S. (eds). Oslo: Novus Press, 2013. P. 55–70.
- Trudgill 1986 — Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Zahn, Hopper 1985 — Zahn Ch. J., Hopper R. Measuring Language Attitudes: The Speech Evaluation Instrument. *Journal of Language and Social Psychology*. 1985, (4): 113–123.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2022 г.

Статья рекомендована к печати 3 февраля 2023 г.

Elena V. Erofeeva

Perm State University,
15, ul. Bukireva, Perm, 614090, Russia
erofeeva@psu.ru

Ekaterina S. Khudyakova

Perm State University,
15, ul. Bukireva, Perm, 614090, Russia
khudiakova.es@psu.ru

Evgeniya V. Glazanova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
e.glazanova@spbu.ru

Estimation of regiolect speech and its speakers depending on social parameters*

For citation: Erofeeva E. V., Khudyakova E. S., Glazanova E. V. Estimation of regiolect speech and its speakers depending on social parameters. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (2): 283–311. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.206> (In Russian)

The paper considers estimation of regiolect speech in accordance with metalinguistic characteristics, as well as estimation of the speakers by their speech depending on the place of residence of the speakers and the estimating experts, and on other social parameters. The study includes fragments of interviews with residents of Solikamsk and Kungur (two towns within the same region); the sample of the speakers is balanced by the factors “city of residence”, “gender”, “age”, and “education”. The respondents — residents of Solikamsk, Kungur, Perm and St Petersburg — estimated the speech according to six metalinguistic scales, and the speakers according to six social parameters. The results of the experiment showed that the boundaries of in- and outgroups are drawn differently depending on the scales used (a town vs a city or the same region vs a different region). Identification of social characteristics of the speaker by their speech demonstrates the following patterns: gender is identified accurately and pre-determines the use of strong and uniform stereotypes; age is identified by the speech charac-

---

* The research is supported by Russian Foundation for Basic Research, grant no. 19-412-590001 “The variability of the region: Territorial, social and cognitive aspects”.

teristics; education level is not significant according to our material. The connection between stereotypical representations of speech and the speaker under normal conditions is revealed. In regions or towns with a stable regional norm, speech social stereotypes based on this norm are developed. If the speech of a region or a town is a mixture of different language systems and the local norm is unstable, the formation of speech social stereotypes is complicated.

Keywords: regiolect, variation, social groups, metalinguistic estimations of speech, language attitude.

References

- Букринская, Кармакова 2012 — Bukrinskaja I. A., Karmakova O. E. Linguistic situation in small towns of Russia. In: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Osobennosti sosushchestvovaniia dialektnoi i literaturnoi form iazyka v slavianoiazychnoi srede*. Kalnyn' L. E. (ed.). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2012, P. 153–164. (In Russian)
- Ерофеева 1979 — Erofeeva T. I. *Local marking of literary colloquial speech*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 1979. (In Russian)
- Ерофеева 2005 — Erofeeva E. V. *Probabilistic structure of idioms*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2005. (In Russian)
- Ерофеева 2009 — Erofeeva T. I. *Sociolect: Stratification study*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2009. (In Russian)
- Ерофеева Е. В. 2016 — Erofeeva E. V. Regionally coloured speech evaluation depending on its usage. *Philological Studies*. 2016, 14 (1): 189–201. (In Russian)
- Ерофеева Т. И. 2016 — Erofeeva T. I. *Linguistics of urban space: A sociolinguistic approach to study*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2016. (In Russian)
- Ерофеева 2020 — Erofeeva E. V. Regiolect as a continuum. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (4): 596–614. (In Russian)
- Ерофеева, Сторожева 2009 — Erofeeva E. V., Storozheva E. M. Social component of lexical connotation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2009, (4): 5–13. (In Russian)
- Ерофеева, Штерн 1998 — Erofeeva E. V., Shtern A. S. Phonetics of dialects and literary language in the Perm region. In: *Russkie govory Permskogo regiona: Formirovanie. Funktsionirovanie. Razvitie*. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 1998. P. 31–146. (In Russian)
- Замыслова 2004 — Zamyslova V. N. *Pronunciation features of the speech of small town residents (on the material of consonant combinations)*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Krasnoyarsk, 2004. (In Russian)
- Звуковой корпус 2014 — *Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian speech*. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Teaching Russian as a Foreign Language. Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet St. Petersburg University Press, 2014. (In Russian)
- Китайгородская, Розанова 2010 — Kitaigorodskaja M. V., Rozanova N. N. *The language of the modern urban existence. Based on the language of Moscow*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. (In Russian)
- Краузе, Подрушняк 2010 — Krause M., Podrushniak V. The image of language varieties in modern Russian: Research on linguistic and extralinguistic impact. In: *Iazyk i obshchestvo v sovremennoi Rossii i drugikh stranakh*. Vinogradov V. A., Mikhal'chenko V. Iu. (eds). Moscow: [no publ.], 2010. P. 353–356. (In Russian)
- Осипов и др. 1994 — Osipov B. I., Bobrova G. A., Imedadze N. A. et al. *Lexicographic description of the popular colloquial speech of a modern city*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1994. (In Russian)
- Самнер 1998 — Sumner W. G. Folkways: A Study of Mores, Manners, Customs and Morals. *Rubezh (al'tmanakh sotsial'nykh issledovani)*. 1998, (12): 4–32. (In Russian)
- Фрумкина 1971 — Frumkina R. M. *Probability of Text-Elements and Speech behavior*. Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russian)

- Юнаковская 2004 — Iunakovskaia A. A. *Omsk urban vernacular speech: Phraseology: Dictionary*. Omsk: Variant-Sibir' Publ., 2004. (In Russian)
- Andrews 1995 — Andrews D. R. Subjective Reactions to Two Regional Pronunciations of Great Russian: A Matched-Guise Study. *Canadian Slavonic Papers*. 1995, (37): 89–106.
- Andrews 2003 — Andrews D. R. Gender effects in a Russian and American Matched-guise study: A socio-linguistic comparison. *Russian Linguistics*. 2003, (27): 287–311.
- Auer et al. 2013 — *Space in Language and Linguistics: Geographical, Interactional, and Cognitive Perspectives*. Auer P., Hilpert M., Stukenbrock A., Szmrecsanyi B. (eds). Berlin: De Gruyter, 2013.
- Bellmann 1998 — Bellmann G. Between base dialect and standard language. *Folia Linguistica*. 1998, (32): 23–34.
- Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2007.
- Garrett 2010 — Garrett P. *Attitudes to Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Krause 2010 — Krause M. Zur Typologie von Sprachsituationen: binnensprachliche Variation zwischen Standard und Dialekt im heutigen Russland. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2010, (65): 53–81.
- Krause et al. 2003 — Krause M., Ljublinskaja V., Sappok Ch., Evdokimov E., Moskina E., Podrusnjak V. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: metasprachliches Wissen und linguistische Determinanten der Bewertung von Dialekten. *Zeitschrift für Slavistik*. 2003, 48 (2): 188–211.
- Krause et al. 2006 — Krause M., Ljublinskaja V. V., Sappok Ch. Russian speaker's dialect image — a perceptual study. In: *Topics in dialectal variation: Selection of Papers from the Eleventh International Conference on Methods in Dialectology*. Filppula M. et al. (eds). Joensuu: University of Joensuu, 2006. P. 31–34.
- Labov 1972 — Labov W. *Sociolinguistic Patterns (Conduct and Communication)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
- Long, Preston 2002 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Long D., Preston D. (eds). Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Lumbert et al. 1966 — Lumbert W. E., Frankel H., Tucker G. R. Judging personality through speech: a French-Canadian example. *The Journal of Communication*. 1966, 16 (4): 305–321.
- Mulac et al. 1974 — Mulac A., Hanley T. D., Prigge D. Y. Effects of phonological speech foreignness upon three dimensions of attitude of selected American listeners. *Quarterly Journal of Speech*. 1974, 60 (4): 411–420.
- Niedzielski, Preston 2003 — Niedzielski N., Preston D. *Folk Linguistics*. Berlin; New York: de Gruyter, 2003.
- Preston 1999 — *Handbook of Perceptual Dialectology*. Vol. 1. Preston D. (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Ryan, Carranza 1975 — Ryan E. B., Carranza M. A. Evaluative reactions of adolescents toward speakers of standard English and Mexican American accented English. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975, 31 (5): 855–863.
- Schmidt, Herrgen 2011 — Schmidt J. E., Herrgen J. *Sprachdynamik: Eine Einführung in die moderne Regionalsprachenforschung*. Berlin: Erich Schmidt, 2011.
- Spiekermann 2008 — Spiekermann H. *Sprach in Baden-Württemberg: Merkmale des Regionalen Standard*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2008.
- Svenstrup 2013 — Svenstrup Ch. H. Language Attitudes in south-west Germany. In: *Language (de)standardization in late modern Europe: Experimental studies*. Kristiansen T., Grondelaers S. (eds). Oslo: Novus Press, 2013. P. 55–70.
- Trudgill 1986 — Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Zahn, Hopper 1985 — Zahn Ch. J., Hopper R. Measuring Language Attitudes: The Speech Evaluation Instrument. *Journal of Language and Social Psychology*. 1985, (4): 113–123.

Received: October 15, 2022

Accepted: February 3, 2023